

Вадим Ефимов, поэт, бард, родился в Выборге, вырос в Средней Азии, в Таджикистане, на границе с Афганистаном. Отец Вадима служил на границе, может поэтому военная, патриотическая тематика занимают особое место в его творчестве. Сам он длительное время служил в гражданской авиации, а после выхода на пенсию, в начале 90-х годов переехал с семьей на постоянное место жительства в Благодарненский район, в настоящее время проживает в посёлке Ставропольский, занимается творчеством

Муниципальное казённое учреждение культуры
«Благодарненская межпоселенческая библиотека»

Вадим Ефимов

ПОКА ОНИ ЕЩЁ ЖИВЫ...

г. Благодарный
2015 г.

День девятое мая. Погода такая,
Словно небо накинуло синий платок!
Облака грозовые, и друзья фронтовые
Издалёка спешат на порог...

День девятое мая... Кто сегодня не знает,
Как был дорог к Победе ваш праведный путь!
Боевые знамена над землей раскаленной
Вы несли, чтоб свободу вернуть.

День девятое мая. Тишина гробовая.
Вот минутой молчания скована грудь.
Мы стоим с вами рядом, чтоб последней наградой
Вашей памяти небо вернуть.

День девятое мая кумачом догорает...
Он победным салютом взметнулся до звезд,
Кто с последней гранатой, с треугольником
смятым

Поднимался с земли в полный рост! ...

Победу одержали и надели ордена,
Домой вернулся, цел и невредим,
И на дворе стояла долгожданная весна,
Вся жизнь тогда казалась впереди.

Была война, была другой страна,
Когда мой дед носил погоны и мундир.
Потом пришли другие времена,
Но все равно мой дед шагает впереди!

Простая жизнь, простого - из деревни – паренька,
Воспетая, и песней, и мечтой.
Но слово «честь имею» и ладонь у козырька –
Для деда было главной чертой.

Еще он тридцать лет носил зеленую фуражку,
Служил в далеком южном городке,
И ни другим, и ни себе он не давал поблажку,
Всегда была граница на замке.

Застыли солдаты в последнем строю.
Я с гордостью с прадедом рядом стою.
Знамена колышет степной ветерок.
Для нашей Победы – и Вечность не срок!

Солдатский вальс

Что война отняла, как черту провела,
Ничего не вернула.
Ни отцов, ни детей и ни слез матерей, -
Лишь у братских могил
Обелиски стоят, охраняя ребят,
И шаги караула
От Кремлевской стены, словно эхо слышны,
Когда час их пробил...

И горячий огонь сорок первого года
Держит чья-то ладонь высоко над Землей.
Здесь российский солдат присягает народу
И сменяет наряд безымянных ребят,
Здесь не кончился бой...

Здесь играет гармонь и пылает огонь –
Ярче красного флага.
Где-то песня слышна, но чеканится шаг
И вырастает в гранит,
Улетает душа к огненным рубежам,
Обретая отвагу,
И в последнем бою за Отчизну свою –
От беды защитит.

И разбудит огонь сорок пятого года,
Зазвенят ордена, провожая в запас...
Эшелоны плывут в синеве небосвода
И оттуда глядят на веселых девчат,
Напевающих вальс.

Что война отняла, как черту провела,
Ничего не вернула.
Ни друзей, ни подруг и сужает свой круг
Фронтная семья.
Прилетели скворцы, а седые бойцы
Вновь стоят в карауле,
Одноклассницы ждут, когда им подмигнут,
Но пустая скамья...

Протяните ладонь – пригласите солдата,
Не гасите огонь, молодые сердца!
Пусть закружится вальс, позабытый когда-то,
Довоенной порой пусть станцует герой
Этот вальс до конца...

Душа солдата

Словно раненая птица,
Над курганами кружится,
То взлетает, то садится –
улететь нельзя...

Кто расскажет, где зарытый,
Спит товарищ мой убитый,
Где полвека – не забыты, –
Спят мои друзья?

Догорает в небе факел,
Крылья сложены к атаке,
И не видимый во мраке,
упаду и я.

И тогда под небесами,
Молодыми голосами,
Допоете песню сами,
вы – мои друзья...

Пой, пой, пой, душа моя!
В снег и в зной, и весной –
Над курганом буду я...

Память

Я видел память, она летела
Над обездоленной страной,
И под крылом ее горело
Оконце в горнице одной.
Там жил когда-то простой парнишка,
Он был безумно жизни рад.
Не дочитал любимой книжки,
Ушел на фронт – не для наград!
Он тосковал о хлебе зрелом,
Он грезил скошенной травой.
О, память-птица, укутай телом,
Пусть он вернется в дом родной!

Его нашли в горящем танке,
Он спит под бронзовой стрелой,
А мать все ждет на полустанке,
И он вернется! Он – живой!
Он ей шептал перед расстрелом:
«Ты верь – вернись еще домой!»
И на Рейхстаге напишет мелом:
«Дошли!» и подпись: «Рядовой ...»
Я видел память, она горела
При свете завтрашнего дня,
И тот парнишка, в рубашке белой,
Стоял у вечного огня...

Я видел память, она летела
Над победившей страной,
И под крылом ее горело
Оконце в горнице одной.
Там жил когда-то простой парнишка,
Он был безумно жизни рад.
Не дочитал любимой книжки,
Ушел на фронт – не для наград!
О, память-птица, взмахни крылами,
Верни молитву матерям!..
Она кружится над тополями
И светлый пух летит к дверям...
Откройте двери, - это к вам!..

Война сошла с ума

Пожелтевшие медали на груди,
Все, о чем мечтали, позади.
Где прошли, что повидали, рассказать?!
Да некому понять...

Все слышны от безымянной высоты
Голоса друзей – усталой хрипоты:
Будем жить, пехота! Ты держись, браток!
Нам патронов бы, да воды глоток...

По ночам коптит в землянке фитилек.
Эх, домой! Хотя бы на денек...
Там болит душа, - сильнее ран,
Кот мурлычет, светится экран...

Все так, как будто бы вчера:
На мушке держат снайпера,
Горбушку хлеба посолить,
Слезой горькою запить,
Забыть, что молодость прошла,
С ума сошла война, с ума сошла...

Пока они живы

Покуда они еще живы,
Глядевшие смерти в лицо,
Учебник истории лживый,
Подальше отбросив с крыльца,

Чтоб на, гимнастеркой согретой,
Груди посчитать ордена,
Хранителя главных секретов
Спросить: неужели война

Не спит и, не глядя на стрелки
Часов на своих «двойниках»,
По звездам ведет перестрелку
На памяти фронтовика?

Там купол небесный так прочен!
В жару или снежный буран,
Отсчет вашей юности точен –
Сверим часы, ветеран!

Покуда они еще с нами,
Глядевшие смерти в глаза,
Мы плачем одними слезами,
Поем «Белорусский вокзал»,

И слушаем песни Шульженко,
Настроившись на мирный лад,
А в доме, за тонкою стенкой,
Молитвой за наших солдат,

За долгие дни или ночи,
Как чувство незримой вины,
Приходят, похожие очень,
На юность военную сны

Солдатское поле

Когда, в шинелях одинаковых,
Взвод уходил – все, как один,-
Над полем из колосьев злаковых
Взмахнул крылами Серафим,
И поле, где еще ребятами,
Они познали соль земли,
Так и осталось за солдатами!
Солдатским – поле нарекли.

Они ушли. Куда? – Не ведомо!..
Их помнят наши. И враги –
Забуть не смогут! В поле хлебовом
Слышны солдатские шаги...
Встают колосья из пожарища.
Прошла весенняя гроза.
Святые! Русские! Товарищи
Солдаты смотрят нам в глаза!

А поле, где еще ребятами,
Они познали соль земли,
Созрело новыми солдатами,
Колосья ветер шевелит...
Их память - веком не измерена
И, задыхаясь, на бегу,
Кричу вдогонку им растерянно:
«Мы перед вами – все в долгу!»

Слава героям!

В самом центре Москвы,
где Кремлевские звезды не спят,
Негасимый огонь охраняет российских солдат,
И букеты цветов для героев священной земли,
От Никитских ворот до Берлина, которые шли.

Сталинград, Ленинград, Севастополь,
Одесса и Брест –
На дорогах войны не осталось
нехоженных мест.
Если память жива, значит, в эти героические дни
Бьется в сердце победный огонь
и для всех он один.

Мать героев – Россия ковала Победу в тылу,
Дни и ночи, в ладонях сжимая снаряды и плуг.
На бескрайних просторах –
здесь каждая пядь дорога!
Все для фронта! Мы как-нибудь вместе
осилим врага.

Мой отец и твой дед, чей-то брат и сосед,
и земляк
Пол-Европы прошли, над Рейхстагом
зажгли алый флаг,
Из окопа в окоп - под свинцом
приближая весну,
Чтобы солнце светило и слушали мы тишину.

Песня

Ворон каркает в ночи,
В темень ухают сычи.
Во сырой земле окоп,
Уберечь от смерти чтоб.

Что ты каркаешь на Русь,
Птица, навевая грусть?
Это мать зовет с крыльца,
Сына, ждет домой бойца.

Не уснет дружок никак,
Хоть под голову кулак.
Ночь – холодная шинель.
К ворону пойдет под ель.

Ворон каркает в ночи,
В темень ухают сычи.
Во сырой земле окоп,
Уберечь от смерти чтоб.

Стихнут птичьи голоса...
Гладит мать по волосам:
- Спи спокойно, мой сынок,
Нынче тяжкий был денек.

Здесь под елью на лугу
Я твой сон поберегу.
Я тихонько помолюсь
И с войны тебя дождусь.

Гордость

Я хочу, чтобы гордость была за страну
Полноправной хозяйкой сознания,
Что любая победа в любую войну –
Есть исполненное приказание.

Был приказ. А присягу не смеет солдат,
Ни нарушить, ни сдать полномочия!
Потому и не смог он вернуться назад,
Только смерть он увидел воочию.

Обопрется Россия на оба крыла,
Заживут все счастливо, безбашенно!
Но прошу, чтобы Память здесь главной была,
И могилы погибших украшены.

20.01.14.

Они пишут кровью

Не читают сегодня вчерашних газет,
Стол, накрыв под закуску для водки.
- Только знаешь, - признался мне
корреспондент, -
Наша жизнь, как военные сводки.

И кому рассказать, чтобы скул не свело,
Как от крови, тяжелой, горячей,
Просто рядом стоял, а поджилки трясло,
Сам мертвец: и глухой, и незрячий...

А хирург говорил: «Встань поближе к столу,
Там осколок в мозгу у майора».
Врач на череп герою нацелил пилу
И со смертью вел переговоры.

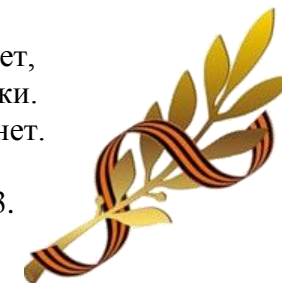
Рассказать, как поминки справляет братва
По погибшим в сражениях недавних,
Где без мата и спирт не идет, и еда -
Словно в горле застывшие камни.

Неразбавленной кровью он пишет одной,
И строчит телетайпную лентой.
Только строчки без слез не найдешь ни одной
У военного корреспондента.

Госпитальной укрылась земля простыней,
Тихо дремлют под нею солдаты.
Эх, успеть бы, прикрыть их от пули броней!
Перед ними всю жизнь виноваты!

Не читают сегодня вчерашних газет,
Стол, накрыв под закуску для водки.
От сегодняшних - тоже спасения нет.
Наша жизнь как военные сводки.

21.02.13.

Цена свободы

Безмолвное небо России,
Храни свою павшую рать,
И пуще от скверны – не стихии:
Людскую молву не унять.

Солдатские юные лица
В альбоме с чернильным пятном,
За каждую душу молиться
Нам долго еще суждено...

Восток – дело тонкое, братцы!
Сюда б на верблюде верхом,
Проехаться, поразвлекаться,
Побыть, хоть немного, царьком!..

Гостей здесь встречают любезно
Уста Шахерезады и лесть.
Но если не ждут – бесполезно:
Чужому сюда не пролезть.

Судьба! Полосатой тельняшкой
Расписан не пройденный путь,
На пояс - солдатская фляжка,
Металл автомата - на грудь.

Там жизнь или смерть – по уставу,
От края до края, хоть плачь.
На горной тропе – не до славы:
Встречается с жертвой палач.

Болтаешься меж берегами,
Став пешкой в угоду ферзям,
Судьбу не исходишь ногами,
И родину выбрать нельзя.

Бои уже шли по соседству,
Но их не считали войной.
Верхам доставало кокетства -
Скрывать правду перед страной.

Солдат, он не просит пощады,
Груз 200 или 300 - и прочь.
От сказок немой Шахерезады
Не спрячешь не день и не ночь

Ушел в никуда, безвозвратно,
Так страшно – ушел навсегда,
Лишь эхо кричит многократно,
Полярная всходит звезда.

И смотрит с укором на север
Душа, расставаясь тайком,
С деревней, где шелковый клевер,
Где парень ходил босиком...

В последнем пути – бездорожьем,
Короткий закончив свой век,
Венчаться тебе, Матерь Божия,
Свободный пришел человек.

23.01.14.

Отражение черной луны

Попраны вера, надежда, любовь
И утоплены черной рекой.
Алая, алая, алая кровь.
Не прикрыть эту рану рукой.

Черная, черная, черная луна
И не видно гитарной струны.
Черная, черная, черная страна –
Отражение черной луны.

Черное небо, черные тучи,
Черный закат и рассвет.
Черное солнце взмывает все круче,
Белого цвета здесь нет.

Падает, падает, падает, все круша,
Черный взгляд на мою страну.
Черная, черная, черная душа
У того, кто придумал войну.

Черные бороды, черные флаги,
В черных окопах страны.
Черные свечи на черной бумаге
Рисуют ее пацаны.

Чистая, чистая, чистая слеза,
Не унять эти слезы вспять.
Черные, черные у беды глаза.
Ты прости нас, Отчизна-Мать!

Солдатский мундир

Когда нагрянет ветерок-задира,
И приоткроет створку шифоньер,
В полоске света спросит у мундира:
- Что твой хозяин, поменял размер?..

Военный китель, сторожил квартиры,
Плечом зелёным с грустью поведёт...
Седой «афганец» дорожит мундиром,
Хотя уже в него и не войдёт.

Но всё ж дороже, - здесь мы не поспорим, -
Их дружба крепче парашютных строп:
Пропахший потом, порохом и горем,
Как на посту солдатский гардероб.

Не на парад солдатам шьют мундиры,
А чтоб сквозь ветер, дождь, за рядом ряд,
Пройти весь путь и наслаждаться миром,
И нету лучше для него наград.

Дороги пыль смахнёт солдат с мундира,
Посмотрит в зеркало со всех сторон,
И в память о друзьях и командирах
Мужской слезой прольется на погон.

Монолог солдата

...Вот эту – «За Победу!» - сохраните!
А дальше – будь, что будет. Мир един...
Он снова надевает этот китель.
Ты слышишь звон медалей на груди?

Победа!.. Сколько слов вокруг и рядом!
Что спорить с ними, если не вернуть
Его седин и слез, к чему награды?
Металлом не измерить жизни путь.

Здесь, на припеке, спят они рядами,
У каждого надгробия цветы,
Деревьев тень сгущается с годами,
И внуков посещения не часты.

А правнуки и вовсе не приходят...
Ты слышишь? Вытри слезы, говорю!
Вздыхаешь? То-то. Тяжко на свободе?
И здесь не лучше, так что не горюй.

Землица нынче в копоти и смраде,
Еще бои, как будто, впереди.
Они лежат, в запасе, как в засаде,
И все сильнее сердце бьет в груди.

Время

На плащ-палатке солнечная тень,
И задыхаясь в запахах сирени,
Как долго будет длиться этот день?
Во сколько он уложится мгновений?

Пусть, ошалевшие от тишины,
Часы трофейные стучат все громче,
О том, что больше в мире нет войны!
А это значит, их завод окончен.

И не растают больше облака,
И понесут на белом фюзеляже,
И прилетят домой наверняка,
И про Победу всё они расскажут.

Им будет больно падать с высоты
Дождями, чувствуя: придет расплата,
За то, что слезы матерей простых
Смывали кровь погибшего солдата.

Застыло время у былой черты,
И если кто забыть сумеет это -
На плащ-палатке свежие цветы,
Здесь память вместо солнечного света.

Памяти земляка

От войны не уйти, не укроешься с краю,
Не пометишь флажком там, где не убивают,
Не избранников шлют туда, не депутатов,
За Россию воюют простые солдаты.

Кто недавно в Чечне, кто остался в Афгане,
Никого тишина за окном не обманет.
Мы еще на войне. Слово ниткой суровой,
К нам привязана жизнь Михаила Сырцова.

Из поселка степного на горные тропы,
Да к зеленым знаменам навечно он топал,
В сапогах, с автоматом, в зеленой панаме,
Так зеленым юнцом и вернулся он к маме...

Но душа не вернулась, лишь юное тело,
В старика превратившись, из гроба глядело,
Словно выстрел в упор, как наотмашь
прикладом,
Никому не укрыться от этого взгляда...

Что слова и стихи? Даже песня не спета.
Тает снег, ждут цветы долгожданного лета,
Зарастают тропинки, стираются даты,
Земляки Михаила уходят в солдаты...

19.02.12.

Терпи, солдат!

Синдром афганский и чеченский,
Берет, медали, ордена...
Налейте Памяти вина!..
Оно горчит, как дым Вселенский,
И льется горлом по степи:
- Не плачь, надейся и терпи! –

- Терпи, солдат, как ветераны!
Военный твой исписан лист.
Чужая пуля – только свист.
Своя - догонит болью раны.
Дотронуться ее нельзя:
Здесь, рядом – пекло и друзья...

Здесь - дальний свет и берег близкий,
Здесь - дом родной, и все мечты,
И память – у одной черты...
Стоят в шеренгах обелиски,
Где неба синего берет
Пронзает белый, хищный след.

Военкомат

Везет не всем. Счастливых мало.
Ползет луна по перевалу
И тень цепляется за скалы.
Не все вернемся мы назад,
Где театральные премьеры,
Газпромовские лицемеры,
Поет Газманов «Офицеры»,-
Виват тебе, военкомат!

Чужое небо в камуфляже,
Боезапас на распродаже,
Здесь механизм давно отлажен –
Лежит дорога прямо в ад.
За генеральские погоны,
В земле под небом раскаленным,
Антагонисты Пентагона.
Привет тебе, военкомат!

В дыму последней сигареты,
Одной на всех, фотопортреты
На память. Сложены береты.
Кто уцелел, не виноват.
Придет «вертушка» из тумана,
В обратный путь, дорогой пьяной...
Откроет дверь майор румяный.
Салют тебе, военкомат!

Винтик войны

Гудят моторы, заглушая страх,
Идут по трапу винтики войны,
За рядом ряд, в шинелях, в сапогах,
Со всех концов одной большой страны.

Железный монстр пожирает взвод,
Они уходят, тихо матерясь,
Совсем зеленый молодой народ,
Судьбе солдатской тихо покоряясь.

Пора на взлет! Назад дороги нет!
И взгляд прощальный: как огромен трап! –
Метнул парнишка, словно свой билет
На море брал он, о, военный раб!..

Гудят моторы, заглушая страх,
И вот уже колонна не видна,
И он останется на тех горах,
Куда его закинула война.

Он в сапогах своих полупустых,
В обвисшей робе, все тащил станкач,
Один из наших, пацанов простых,
Не крохобор, не жмот и не трепач...
Ты помолись о нем, о нем поплачь.

1996

Ветер и присяга

Он не вырвет из рук лист бумаги,
Не сорвет с меня шапку, шинель!
Я в слезах принимаю присягу.
Успокой же свой ветер, апрель!

Слезы к дулу летят автомата,
Льется небо холодным ручьем.
Я сквозь ветер шагаю к ребятам,
Мы прижмемся друг к другу плечом.

Дал присягу! Я – воин отныне.
Голос мой в вышине прозвучал.
Нету клятвы иной для мужчины,
Чтобы ветер нам не предвещал!

Без героя нельзя

Без героя нельзя. Он у каждого времени свой.
Он горит на ветру,
в облаках он сияет звездой.

Без героя темно, и холодное лето, и дождь
Плащ-палатку сорвет, и патронов не хватит,
он – вождь,
Он отважен, умен, он ведет за собою,

он – свой.

Я придумал его, потому что мне нужен герой.
Потому я слаб, одинок. Если снова война...
Без героя нельзя. И войну проиграет страна.
Хоть последний герой, он велик,

мы его позовем.

Он устал воевать. Он застыл на посту
под дождем.

Он охрип и ослеп от команды:
«Ни шагу назад!»

Не досталось ему ни заслуг,
ни любви, ни наград.

Он пришел в этот мир,
чтобы всем было просто тепло,

И уютно в душе, и надежда жила, и добро.

А иначе зачем,
для чего создан солнечный свет?

Догорает зола без следа исчезающих лет...

Без героя нельзя. Он у каждого времени свой.
Только время дано,
чтобы в памяти он был живой.

Мы пишем стихи про войну

Мы пишем стихи про войну, о которой,
Нам, кажется, всё, и давно уже знаем,
И слов череда не стыдится повторов:
«Июнь, сорок первый, девятое мая...»

Ведь это всё - с нами, на этом пространстве,
Любого из нас той войной растревожит,
И нет избавления от ветеранства:
Участники – все, и заложники – тоже...

Нам трудно живется на этом просторе:
Все чаще мы, новую боль принимаем,
И слышим биенье сердец в общем хоре -
У нас без войны никогда не бывает!..

Кровавую рану, рукой прикрывая,
Нам с юмором черным уже не расстаться,
Трагедий все больше, и мы привыкаем...
«Поедем в Москву на метро покататься?...»

Поедем в любую страну, кроме нашей!
Здесь дорого всё, кроме жизни сограждан!
Война на дорогах, на улицах... Страшен
Итог. Пусть подумает каждый...
Прошло много лет. Целый век человечесий!
Чем, кроме Победы, он будет увенчан?
7.04.10.

День войны

Всадник летит по горячей степи,
Волос растрёпан и кожа бледна,
Мокрый от пота и голос хрипит:
- Братцы, напали фашисты, война!..

Ветер умолк, потемнела земля,
Облако чёрное над головой,
Молча колосья глядят на селян,
Горе людское деля меж собой.

- Как же так? Наши-то есть у границ?
Танки и пушки с винтовками где?
Да неужели пропустят убийц
К нашим домам? Кто поможет в беде?

Все, как один, под ружьё – не приказ.
Главнокомандующий в сердце один.
Сколько в земле не окажется нас,
Землю вражине мы не отдадим!..

Голод и холод, пожары и кровь,
Горе и радость, победу и ад
Всадник несёт по степи вновь и вновь,
Словно гонец был во всем виноват...
22.04.10.

Дети войны

Где-то здесь, под небом нашим,
Шла военная тропа.
По дорогам, мимо пашен
Вражьей нечисти толпа.
На зелено-серой шкуре,
Отличающей вояк
Кровожадные натуры, -
Непонятный, страшный знак.
И кресты на самолетах,
И чужой собачий лай,
Мотоциклами, пехотой –
К нам война пришла домой.

Все потом, что будет дальше,
Как бы трудно не жилось,
Переждем, перепашем ...
От войны - не удалось
Не забыться, не укрыться
Под подушкой ни на миг.
Скрипнет в доме половица,
Слышен вражеский язык.
От любой немецкой речи
Детский страх бежит ко мне.
Даже время не излечит
Эту память о войне ...

Стена памяти

Грозным эхом, столетием прошлым
Отчеканены здесь имена,
Вертикали гранитные мощны,
Чтоб запомнить на все времена,

Тех, кто канули в Лету невинно,
Побывав на ее берегах,
Кто погиб, не героем былинным,
Но Победу принес на руках,

Чьей застывшею кровью гранитной,
В четкой букве и цифре святой,
Словно стрелкой указан магнитной,
Курс на путь человеческий твой...

Рядовой - фронтовая элита, -
Не чета современным браткам,
Чье богатство, как море разлито,
На угоду заморским дружкам.

Здесь рабочие или крестьяне -
Перед вечностью все мы равны!
С чистой совестью кто, без изъяна,
Полегли на просторах страны.

Всех найдут ордена и медали,
Чтоб составить последний реестр,
Вширь гранита вкрапив вертикали,
И «Славянку» ударит оркестр.
29.04.10.

Рыцари передовой

От окопа до окопа,
В дождь и в снег, из боя в бой,-
Прошагали пол-Европы
Рыцари передовой.

Шли защитники державы,
С той дороги не свернуть.
Влево – смерть и смерть – направо,
Прямо – верный к Богу путь.

Сапоги, пилотку, скатку,
Трехлинейку за спиной,
Вещмешок и плащ-палатку, -
Все солдат имел с собой,

Чтоб хлебнуть кровавой драки
За родную сторону
В пекле яростной атаки.
Жизнь имел - всего одну.

Стихнет бой, спешит пехота
В блиндажи: по всей длине -
Ноги вытянуть охота.
Нету мамки на войне! ..

Только вши на гимнастерке,
Да фитиль коптит из гильз,
Да кисет сырой махорки:
«Землячек, отсыпь, не жмись!»

- Не робей, солдат безусый,
Коль заботлив старшина,
Ты при нем, как при Иисусе,
Чист и прибран, не шпана!

Каша в котелке, приварок
На столе, во фляге спирт.
Отдых на войне – подарок.
Фрицы спят, и ты поспи.

Поутру... ни - вшей, ни – страху,
Нету на передовой...
Не в петлю и ни на плаху.
Неба синь над головой...

Вдаль ушли дорогой славы.
В чистом поле тишина.
Где теперь солдатик бравый?
Где отважный старшина?

Догорая напоследок
Алым цветом на росе,
Воины, домой с победой,
Возвращаются не все ...

Ветеран

Простое слово - «ветеран».
Все перед ним равны.
Когда шагает по экрану
Хроника войны,

Салют Победы и парад,
И вражеских знамен
Полет последний... Шестьдесят
Тому... Но вот же он!

Он рядом с нами, за столом,
В медалях, орденах
Пиджак - под самый окаем,
И на душе весна!..

Захватит дух! Но всех наград
Милей ему одна –
Он просто ... жив еще солдат,
И жизнь его длинна!

Страдать от святости, от ран -
Достойно жизни той.
Оглянется наш ветеран –
Он не один такой.

Пусть новым временем гоним,
Бушует океан.
Наш мирный берег сохраним,
Не грянет ветер ран!

Разговор с матерью

Если спросишь меня: «Ты жив?»,
Я отвечу: «Конечно, мама!»
- Но ведь ты неживой лежишь
Под расстрелянными домами! ..

- Мама, в городе шли бои
Между русскими из России,
Меж российскими из Чечни,
Между нашими и своими.

Все стреляли, и я не знал,
Чьей мишенью я стану малой.
Кто в кого, и за что стрелял,
Мы уже не узнаем, мама...

Ты мне скажешь: «Сынок, родной,
Для чего ж я тебя растила?
Для войны? Да уж лучше той
Я руки бы тебя лишила!

Той, в которую автомат
Тебе дали, и текст присяги...»
- Мама, просто я был солдат,
А присяга – не лист бумаги.

Мама, скоро опять весна,
И цветы, что ты так любила,
Ты приносишь теперь одна,
Для меня на мою могилу...

Капитанские звезды

В восьмидесятом, в феврале, под вечер,
Мне, только разрешив взлетать,
Вдруг, дал команду с КДП диспетчер:
«Заходит с юга «вертикальный», ждать!»
И, укротив табун гнедых в моторе,
Я наблюдал, как, заложив вираж,
Шел на посадку Ми-восьмой, который
Пересекает пограничный Пяндж.

Его пилот просил: «Врача, машину!»
Что это значит, знал тогда любой.
Аэродром, всего наполовину
Был мирным - пересек черту, и в бой!

Нас не пустили близко к вертолету,
Хоть для носилок не хватало рук.
Пока узик доставлял санроту,
Я словно слышал тот тревожный звук.
И видел факел – падал «буревестник»,
А говорил, что пуля не берет,
Тот капитан, еще вчера – ровесник,
Который знал один лишь тост: «Вперед!»

Мы отмечали Армии рождение,
Когда их прибыл вертолетный полк,
Я рядом мирно сыпал удобрения,
Он – исполнял интернациональный долг.
Еще он пел тогда «бесаме мучо»
И про сапог, что одиноким был,
И твердо верил, что нас свел не случай:
«Мала планета», - повторять любил.

Он был не прав: планета, как планета,
Она летит среди мерцанья звезд.
И вместе с ней – одна шестая света,
Вот только путь ее, увы, не прост.

Как сейчас, я помню тот далекий вечер:
Преодолимпийский шел в Москве разброд,
На всю страну вещал один «диспетчер»,
Двадцать восьмой шел капитану год.
Его «восьмерка» не пришла на базу,
Сосед – афганец, тоже был, - не прост,
А у России не хватило сразу
На все могилы алых, скорбных звезд...
1993

Они жили в поселке

Они жили когда-то в поселке одном.
Он механиком был, а она - агроном.
Он был тайно,
но страстно в подругу влюблен,
Любовался: такая - одна на район!
Он смотрел на нее, как на чудо степное:
Молодая, задорная, и все такое...
Ах, мечты: юность, счастье,
любовь и весна!..
Целый мир впереди! Но вмешалась война...

Нет, любовь никуда-никуда не уйдет!
Он собрался на фронт, и она его ждет.
Пусть рассветы, закаты идут чередой,
Долгой осенью, ветреной стужей и в зной.
В каждом доме тревога живет за бойца.
Но надежда всегда согревает сердца.

Похоронки несут стороной?
Значит, жив и вернется домой!
Ничего, если раненный - вместе, вдвоем,
Мы любую беду сообща разведем.

Только что же так долог, так страшен и лют
Путь солдата к победе?.. Не скоро салют
Над Москвой по весне озарит всю страну...
Здесь, в голодном тылу, проклиная войну,
Жизнь идет чередом: урожай – недород.
Все для фронта! Устала земля и народ.
Чуть светлеет – пора: колосок к колоскам,
Руки, сбитые в кровь, седина по вискам,
Да морщины бегут там, где слезы и пот,
Но ведь духом сильны те, кто любит и ждет!

Они жили когда-то в поселке одном.
Он вернулся, женились, построили дом.
Так свершилось их счастье, такая судьба.
Ветер степью играет, созревают хлеба.
Дети, внуки растут... Даже в век перемен,
Сила духа, любовь поднимают с колен.
И не важно, кто правит сегодня в Кремле.
И никто не был лишним на этой земле!..

6 мая 2010 г

Не прикуришь от ветра, а спичек в обрез,
И фашист бьет наводкой прямой,
И рубеж был степной, ни овраг и ни лес,
В рукаве затянись, рядовой.

Из кисета махорки сухой
Насыпает себе рядовой,
И дымит в рукаве самокрутка бойца,
Твоего – моего деда или отца,
Чтоб с победой вернуться домой!

Вытирая украдкой слезу рукавом,
Выходила на станцию мать,
Чтобы думать о нем, только как о живом,
И кисет по ночам вышивать.

Хоть вернулся домой он с пустым рукавом,
И врага не пустил на порог,
Под пилоткой виски замело серебром,
Но кисет материнский сберег!..

Мужской разговор

Пока семафор и грохочут составы
Мы ждем тишины и понуро молчим,
Застыла душа, и заныли суставы,
И сердца удары слышны без причин.

Давай-ка, мой друг, посчитаем патроны,
И гильзы подальше отбросим в кювет,
Мы снимем фуражки и скинем погоны,
И двинем туда, где боев уже нет.

Туда, где нас ждут наши книги и песни,
То медленно гаснет, то вспыхнет заря,
Где каждый рассвет никакой не предвестник,
Никто не расскажет: «Жизнь прожита зря».

Пока семафор и грохочут составы,
Мы ждем тишины и понуро молчим.
А где-то тревогой подняты заставы,
Обычных юнцов превращая в мужчин...

Один день войны

В сыром смолянистом воздухе еще долго звучало: «Ты постой, посто-о-о-ой, красавица моя...» После дождя всегда хорошо слышны любые шорохи, словно промытые и чистые они радостно бегут навстречу друг другу, чтобы сообщить о его окончании.

Импровизированный концерт заканчивался привычным окриком: «Становись. Равняйся. Смирно». С раскрасневшимся от натуги лицом, вытянув руки по швам, застыл в строю молоденький сержант. Это его звонкий тенор только что распевал на всю латвийскую столицу. Говорят, сам губернатор приезжал послушать.

Высоко взметнувшиеся сосны чередовались с первыми звездами, шли скрытно, оружием не бряцая. За спиной у певца тяжелая рация. Сегодня их взвод, в который раз будет «выкуривать» «лесных братьев». Здесь, в тылу, еще страшнее и опаснее, чем в открытом бою на уже далеком фронте.

Ночью было жарко под перекрестным огнем. К утру обнаружил, что шинель простреляна, а у самого ни царапины. Повезло. И после мая сорок пятого, когда весенние струи, обгоняя друг друга, принесли радостную весть, еще долгие три года он не расставался с оружием ни днем, ни ночью.

«Дозволь наглядеться, радость на тебя...» Ему было суждено наглядеться на любимую, на своих детей и внуков. Таким был один фронтовой день моего отца. Один день войны.

